

Общерусское слово СОН в архангельских говорах

Анна Борисовна Коконова

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
annakokonova@gmail.com

Ключевые слова: севернорусские говоры, архангельские говоры, общерусское слово, диалектная лексика, семантика, концепт

Keywords: Northern Russian dialects, Arkhangelsk dialects, all-Russian word, dialect vocabulary, semantics, concept

0 Введение

Одним из важных научных направлений кабинета диалектологии МГУ является работа с семантикой общерусских слов в пространстве диалекта. Семантическая структура общерусского слова в диалекте и в системе литературного языка (ЛЯ) не совпадает. Так, О. В. Загоровская пишет: «Несовпадение в семантике общерусских слов в системе ЛЯ и системе территориального диалекта – явление обязательное. Любое слово в говоре имеет специфику в своей семантике хотя бы на уровне одного из компонентов значения» (Загоровская, 1990, с. 179). Каждая лексема в совокупности ее значений является частью системы языка – литературного или диалектного, тем самым ни объем значений, ни стилистическая маркированность, ни концептуальное содержание этих лексем не могут совпадать полностью. На это обращала внимание и О.Г. Гецова: «Отличия лексики говоров от лексики ЛЯ могут идти сразу в нескольких направлениях – слово диалектное может отличаться от слова литературного (и, как правило, отличается) сразу в нескольких аспектах» (Гецова, 1970, с. 37). Работа над семантикой общерусского слова в диалектной системе показывает, что для развития значений очень важной оказывается этнокультурная информация, заключенная в слове. Рассмотрим это на примере общерусского слова *сон* и его дериватов.

Материалом для исследования послужили «Архангельский областной словарь» (АОС), его картотека (КАОС), электронная картотека АОС (ЭКАОС), а также полевые записи автора.

1 Состояние сна и бессонница

«Большой толковый словарь русского языка» (БТС) определяет *сон* как «наступающее через определённые промежутки времени физиологическое состояние покоя и отдыха, при котором почти полностью прекращается работа сознания, снижается реакция на внешние раздражения».

Сон – неодолимая сила, которой сложно противиться. В архангельских говорах эта способность сна проявляется в сочетаемости с глаголами *забрáть/забирáть, долíть*: *Фсю нóць сóн не забирáет меня, и спáть не могу́. Ра́но ле́геж, дак не усне́й, потóм не забирáет-то сóн. Заберёт ли нёт ли сóн меня? Ну удим, удим, а чё-то не лóвица, ну меня сóн забрáл, я и усну́ла на конце кáрбаса. На́цял сóн-то йего́ долíть, дрёма с нók стáла вáлить.*

В состоянии сна человек принимает горизонтальное положение, т.е. отклоняется от вертикального состояния, присущего ему во время бодрствования. Возможно, именно поэтому возникает выражение *клонíть в сон*: *И, навёрно, меня ф сóн заклóнит. Когда потеплэ-то, ф сóн заклóнит.*

Состояние сонливости может описываться выражением *сёрдце спит*: *Я фся́ издремáлася, какá-то дремотá навалíлася, сёрце спíт, ы фсё́.*

Во сне человек закрывает глаза, поэтому фразема *защурить глаза, глаза защурятся* описывает состояние сонливости: *Я немно́го защу́рю глаза́ и засну́ ма́ленько. Ба́бушка фсе́ но́вости вы́слушат, пока́ глаза́ не защу́ряце. Ф три́ чяса́ на́до итьти́, и глаза́ защу́рились.*

Зафиксирована также устойчивая колыбельная формула *сон да дрема́ (сон-дремота́), накатись на глаза́*: *Сон да дрема́, накатись на глаза́. Сон да дрема́, накатись на глаза́, засыпи́ ба́нку А́нну. Сон-дремота́, накатись на глаза́, накатись, навались как на Олюшкина, у мяя Оленька баска́, она́ не хо́чет коло́нка, хо́чет пря́ничька да от ве́ничька.*

И наоборот, невозможность заснуть описывается выражениями *хоть глаза́ зашива́й, хоть (ты) заше́й глаза́*: *Иногда́ не спи́ца и фсе́ ту́т, ходь зашива́й глаза́. Хожу́ по избя́, как лунати́к! У́тром фста́ла ф пять́ чясо́ф – ходь глаза́ зашива́й. Просну́лась, а пото́м ходь зашива́й глаза́, взбодри́лась – э́то значит ду́ша моя́ вора́чивалась в мойо́ физи́ческойе те́ло. Така́ бессони́ца привяза́лась, не могу́ засну́ть, ходь глаза́ зашива́й, до того́ доши́урилась. Не сплю́, глаза́ зашива́йеи. Ката́лась, ката́лась на кровати́, ду́мала ма́ленько здремну́ – не́т, хо́ть ты заше́й глаза́! Ходь заше́й глаза́ – не спи́ца! Но́чью не могу́ спáть – ходь заше́й глаза́. Не́ту сну́, ходь заше́й глаза́, ве́чером лягёш ходь да. Хоть ты́ заше́й глаза́, да не спи́ца.*

Фразема *жмёт глаза́* говорит о состоянии, когда человек устал, хочет закрыть глаза, но сон не приходит: *Жме́д глаза́, и ника́к сну́ нет.*

Человек, мучающийся бессонницей, считает, что ночное состояние покоя и отдыха дано богом: *Воспо́ть, и́стинный Бох, сну́ да́лсе сево́дне.*

Возможность спать также может связываться в народном сознании с душой. Душа либо не спит, либо возвращается в физическое тело, не давая человеку спать: *Легла́ на посьте́лю, куды́ у меня́ со́н дева́еця, верцю́зь-верцю́зь з бо́ку на́ бок – у меня́ ду́ша не спи́т. Просну́лась, а пото́м ходь зашива́й глаза́, взбодри́лась – э́то значит ду́ша моя́ вора́чивалась в мойо́ физи́ческойе те́ло.*

Для возвращения сна используются заговоры, в которых сон предстает как персонифицированное существо, способное ходить, говорить, усыплять человека: *Ак вот то́лько и йе́сь, Оленька, фсе́х ы сло́ф: «Заря-зарни́ця, кра́сная заря́, сойми́ с меня́ бессони́цу, да́й мне, рабе́ Бо́жийей Лекони́де, сну́». Со́н хо́дит по у́лице, дрема́ – по двору́; со́н гово́рит: я ба́нку А́нну засыплю́. Дрема́ гово́рит: я ба́нку А́нну спáть укладу́, улю́лькаю. Со́н да дрема́, накатись на глаза́, засыпи́ ба́нку А́нну.*

2 Сон и младенцы

Ребенок, по народным представлениям, должен проводить во сне большую часть времени, потому что именно сон дает ему силы, способствуя быстрому росту и развитию, о чем говорит традиционная заговорная формула *спáть со споко́ем, ставáть со здо́ровьем*.

«Сон соотносится с ночным временем, тьмой (отсутствием света), тишиной, прекращением деятельности и неподвижностью и тем самым фактически приравнивается к смерти, только к смерти как временному состоянию, в которое еженощно погружается человек. За бодрствованием же закреплены противоположные характеристики (день, свет, звуки, деятельность, подвижность), которые в свою очередь концептуально соотнесены с жизнью, так же регулярно возвращающейся к человеку с проблеском зари и первым криком петуха» (Агапкина, 2006, с. 57). Таким образом, неспособность спать ночью переводит ребенка в разряд опасных существ, не принадлежащих этому миру, а заговоры, направленные на лечение бессонницы, помогают «очеловечить» младенца, ввести его в людское сообщество.

Исследователи отмечают, что причиной бессонницы «традиционно считалось неблагоприятное воздействие на ребенка неких демонических существ» (там же, с. 14).

Болезнь, при которой ребенок не может спать, номинируется словами с разной внутренней формой. Отметим лексемы, образованные от корня **-сон-**:

бессо́нница: *Полуно́сьница, бессо́нница, не му́ць моего́ дети́шка, му́ць лес да сту́пу да помельну́ лапу.*

бессо́нная со́нница: *Заря́-зари́ца, заря́ полуно́сьница, возьми́ у младе́нца бессо́нную со́нницу, наведи́, Го́споди, младе́нцу вели́кий со́н.*

Неспящий младенец определяется как **бессо́нный:** *Бессо́нный – пло́хо спи́т ребёнок. Стремя́цца, што́п засыпа́ли. Мо́ют, што́п засну́л. Холо́дной водо́й дак намо́ют.*

Известны и другие мотивации детской бессонницы, кроме воздействия нечистой силы. «В самих заговорах, а также в сопутствующих им верованиях и магических практиках содержатся внятные указания на то, что детская бессонница и крик провоцировались вполне рациональными обстоятельствами. В качестве источника бессонницы чаще других <...> в заговорах поминаются свет и световые природные явления. Об этом говорят, в частности, обращения к этим явлениям природы, содержащиеся в самих заговорах» (Агапкина, 2006, с. 15). Это световые природные явления – вечерние и утренние зори – наделяются женскими именами: *Ма́рья, Да́рья, Мари́я, Маревья́на, Агапи́я*, используются и традиционные обращения *заря́-зари́ца, заря́-зари́ца*. Этим персонажам просят принести сон младенцу.

Утренняя́ заря́ Ма́рья, ве́черняя́ заря́ Да́рья, но́чная́ заря́ Мари́я, приди́те и принесите́, приди́те с чи́стого поля́, с шыро́кого раздо́лья, приди́те и принесите́ кро́тости и смёрности и Бо́жьей ми́лости, сну́ и споко́ю и тре́тьего угомо́ну, што́бы серде́чну дитю́ спи́ть со споко́ем, става́ть со здоро́вьем. До тре́х рас на́ть говори́ть. Во и́мя Отца́ и Сы́на и Свято́го Ду́ха, ами́нь, ами́нь, ами́нь. Заря́-зари́ца, кра́сная деви́ца, утренняя́ Ма́рья, ве́черняя́ Да́рья, полуно́чная́ Агапи́я, да́йте моему́ рабу́ Бо́жьему младе́нцу (имярек) сну́ и ро́сту отны́не и по ве́ку веко́ф ами́нь. Заря́-зари́ца, заря́ полуно́сьница, возьми́ у младе́нца бессо́нную со́нницу, наведи́, Го́споди, младе́нцу вели́кий со́н. Зоря́-зорени́ца, ма́тушка-деви́ца, да́й моему́ младе́нцу сну́ и покóя.

Встречаются также заговоры, обращающиеся к рекам с именами *Да́рья, Ма́рья, Улья́нея:* *Река́ Ма́рья, река́ Да́рья, река́ Улья́нея, плыви́ по каме́нью, по дну́ по коре́нью, унеси́ фсе боле́зни и беспоко́йство, принеси́ со́н и угомо́н младе́нцу...*

Крепкий сон очень важен для младенца, поэтому нарушения сна корректируются с помощью народной магии: *Ребе́нок худо́ заспи́т, говори́ли – с петуха́ на́до помы́ть, испу́к снима́ли. Быва́ло ребёнок худо́ заспи́т, с петуха́ на́до помы́ть. Рас немно́шко бры́знём «на ро́с», «на со́н» – фторо́й рас кинёш, тре́тей рас кинеш «на прико́с», и четвёртой – «на здоро́вьё».*

Плохой сон чаще всего связывают с негативным влиянием колдуна или нехорошего человека: *Ой, говори́т, како́й ма́льчик хоро́ший, дак ты́ не пове́риш, он не заспа́л, у меня́ де́нь и но́чь он не спи́т, вот и изуро́чили (сглази́ли) ребё́нка.*

Считается, что хороший сон во младенчестве связан со здоровьем и дальнейшим хорошим развитием ребенка: *Де́нь с но́чью перепу́тал – до́чь полуно́чьница. Ни сну́, ни жы́ры (жизни) не́ту.*

Сон воспринимается как персонифицированная сила, способная самостоятельно перемещаться: *Со́н иде́ по о́цене, дрема́-то – по лу́цкám. Со́н хóдит по у́лице, дрема́ – по двору́.*

3 Сон и смерть

«Восприятие сна как временной смерти и смерти как вечного сна относится к универсальным стереотипам культуры <...>» (Толстая, 2001, с. 198). Смерть

уподобляется сну: *Лёгкая смёрть – засну́ла и не розбудила́се, сама́ не нама́ялась и никогó не нама́яла. И та́к она́ и з души́ спусьти́лась – ка́г заспа́ла. Она́ каг заспа́ла, а подошли́ – не пýщат. Я фплóть приникла, а уш не пýщат, лехкó отошла́.*

Очень хорошо это видно в текстах причитаний: *Уш мы са́ми да заходи́ли, на пята́у двéри да ростворя́ли, уш мы грóмко да говори́ли, уш ничегó ты да не услы́шал, уш тебя́ мы не разбуди́ли.*

И наоборот, крепкий сон подобен смерти: *И он мёртвым снóм заспа́л, храпотóк та́кой бы́л. Ка́г засплю́ смёртным снóм – ницеó, а ка́к розбужу́сь, так спокóю нет (болит рука). Я сплю́ как пропáшиша (мертвая). Я нице́ не уцю́ю, усну́ как пропáшчя. Но́чью спи́т как про́пась.*

В архангельских говорах много устойчивых выражений, в основе которых лежит именно это представление.

Дóлгое спаньё: *Бабушка́ трудила́сь, на дóлгойе спаньё́ ушла́. Я уйду́ на дóлго спаньё́, и фсе́, на сва́лку увезу́т.*

Долгоспа́ная жизнь: *Са́м ушо́л на долгоспа́ну-то жы́сь.*

Засну́ть в крёпкий сон: *Росцвела́ ф полé ребина́, розукра́сила весну́, я тогда́ йево́ забу́ду, ко́гда ф крёпкий со́н засну́.*

Заспа́ть наве́чно: *У неё ма́ленькийе оста́лись от ма́тери, они́ грят: ма́мка-та спи́т, а она́ заспа́ла бо́ле наве́чно.*

Сон может стать смертельным и в прямом смысле, если человек засыпает на морозе, в состоянии алкогольного опьянения или тяжелой болезни. В таких случаях сон маркируется как смертельный с помощью наречий *совсём, навсегда, насмерть, до смерти.*

Заспа́ть совсём: *На со́н пыйóш. Бою́сь – вйпыйеш да заспи́ш софсём. Софсём заспа́ла. Заспа́л софсём – был инфа́ркт. Поволю́сь спатъ да и ду́маю: так повали́лся и заспа́л бы софсём.*

Заспа́ть наве́гда: *Де́фки, пойдёте домо́й, дак не сади́тесь, не спи́те пооди́нке, фсе иди́те вместя́х, а то мо́жэте заспа́ть да и нафсегда́.*

Заспа́ть до́ смерти: *Не могу́ розбуди́ца да́жэ, ведь до́ смерти заспа́ть-то мо́жно.*

Заспа́ть насмерть: *А я спала́, да заспа́ла бы насмерть, а она́ спатъ-то не дайóт, по щекáм-то хло́пат, што́бы не заспа́ла. Мнóго пря́мо доро́гой засыпа́ло, сядут посидéть и засыпа́ли насмерть.*

Так как, по народным представлениям, покойник на том свете крепко спит, нельзя слишком часто посещать его могилу, чтобы не нарушить этот сон: *Грэх покóйника беспоко́ит, пусьт он спи́т там, ушо́л домо́й, пусьт спи́т.*

Тем же объясняется строго регламентированное время посещения кладбища: *Вре́мя ста́ло далё́ко, до двена́цати на́до на кла́дбищи́э ходи́ть, после́ двена́цэти покóйницьки спи́т.*

4 Вещие сны

Сны могут быть отражением мыслей и образов, приходящих к человеку во время бодрствования: *Дне́м на уме́ держáл, но́чью во снé бы вида́л!* Эта идея отражена и в этикетном пожелании: *Спокóйной но́чи, ви́дедь дру́га в óчи – посмотри́ть, во снé. Што задумáйеца, то́ во снé ви́диця.*

С другой стороны, сон – «один из каналов связи с потусторонним миром <...>» (Гура, 2012а, с. 119), поэтому «сновидения используются в гаданиях, в сновидениях осуществляется связь с умершими, святыми и с другими людьми» (Гура, 2012б, с. 90]. С. М. Толстая пишет, что «заснувший человек как бы переступает невидимую границу двух миров и входит в непосредственный контакт с обитателями потустороннего мира и прежде всего со своими умершими родственниками» (Толстая, 2001, с. 198). Сновидения

могут говорить человеку о будущем, предостерегать его. Такие сны называют вещими: *Такой мне сон приснился, вешиуйет*. Вещие сны могут описываться выражением *сон в руку падёт, как в руку дал (данó)*: *Иной сон, скажю, как в руку падёт. Приснился, виш, сон, как в руку дал. Сны эти все изучены, все как в руку дано*.

Выражение *завидеть во сне (во снах)* означает, что видящий сон человек подозревает, что сон не случаен, содержит в себе важную весть: *Я сёдни во сне завидела цё-то. Я уш во снах што-то завидела*.

Сны могут предвещать хорошие события: *Жыто во сне видиш, бутто г жытьё. Йёсьли присниця жыто – значит, хорошо, г жытьё, к цясьё*.

Чаще сны предупреждают о плохих событиях: *Я розбудилась – фсе неладно во сне видяю, у вас неладно бует – во сне видяю небаско. Худой сон на вит*.

Ю. М. Лотман говорил о том, что «сон – это семиотическое зеркало», поэтому «восприятие сна как сообщения» (Лотман, 2000, с. 123) предполагает, что это сообщение нужно расшифровать. Какие образы воспринимаются сулящими хорошее или плохое, также является культурно обусловленным. Н. И. Толстой писал: «Основным вопросом изучения сонника остается вопрос характера связи между знаком-символом (предметом, лицом или действием), появившимся во сне, и ожидаемым результатом появления такого знака. Связь между знаком-символом и результатом его появления строится на разных принципах» (Толстой, 1993, с. 90). Основные принципы, по Н. И. Толстому, это принципы тождества, сходства (по внешним признакам, по созвучию, основанные на метафоре или метонимии, и принцип противоположности).

Метонимически картошка связана с землей, а земля – с похоронами, поэтому сулит недоброе: *Картошку увидиш во сне – это плохой сон, деньги крупни – то г добру*.

Пшено, как крупа, состоящая из мелких частиц, напоминает слезы: *Пиэно выйдет к слезам, йёсьли пиэно присниця*.

По принципу противоположности вещи, которые в нашем мире мыслятся как хорошие, в пространстве сна могут интерпретироваться иначе: *Деньги – к слезам, масло тожо к слезам, где видица-то (во сне)*.

Информанты часто рассказывают о снах, предвещающих смерть. В таких снах частотны следующие символы: потеря чего-л. мыслится как умирание, в т.ч. потеря коренных зубов трактуется как потеря кровных родственников.

Присниця, шо зубы корённы выдержают, – кто-то в роду умрёт, медвёт – к хорошему, во сне плачеш – к хорошему, ягоды – к слезам, корова – г болёзни, закоробит, бык – таг збытит, повезёт, значит, пошасливица, оденеш на леву сторону платье – платье со знатьюм, неспроста одела, с цэлью наряжалась – збытит.

Йёсли потеряйеш во сне сапок, кто-ниабуть умрёт, эту замету я знаю.

Образ коровы как предвещающей смерть или тяжелую болезнь основывается на фонетическом сходстве (**корова – закоробить**): *Корова (приснится) – заболеш, закоробит тебя. Закоробя тебя, скотина присниця¹*.

Изучая вещие сны, в том числе предвещающие смерть, С. М. Толстая делает вывод о том, что «совокупный «образ» смерти, представленный в народных толкованиях снов, оказывается весьма полным воспроизведением основных семантических единиц погребального обряда и концептуального поля смерти и по существу представляет собой подробно проработанный метафорический текст, соотносимый и с ритуальной, и с ментальными моделями смерти в народной культуре» (Толстая, 2001, с. 200).

Сны в качестве прогностического инструмента используются в гаданиях. В вещем сне может присниться будущий муж:

¹ Ср. примеры Н.И. Толстого «корова – хвороба», «корова – к рёву» (Толстой, 1993, с. 90).

Заветитесь в Нóвый гот, кто присни́ца, то́т и жэ́них. Йéжэли заветисся, то́ и збы́вайеца. Я́ завети́лась – спáть свали́ися, скажы́: вы́йду ли зáмуж в э́том году́ ли нéт. Своево́ мужа́ у́йсмотрела, легла́ спáть и завети́лась: сужэ́ной мо́й, ря́жэной, приди́ ко мнэ́ наря́жэной. Я́ завéчила́сь на Нóвой гот, и вóт мнэ́ присъни́лся па́рень. А пéред Нóвым Гóдом взяла́ да и завечи́лась, што́ мнэ́ сужэ́ный како́й бу́дет пúсь присни́ца. Перед Нóвым гóдом взяла́ и завечи́лась, што́ пúсьть мнэ́ присъни́ца мой сужэ́ный. Мнэ́ и снíца, што́ мы йéдем на пове́тьи́е, вмéсьте зайéхали. Прийéхали, на лошади́ зайéхали на пове́ть, свекрóфка та́м стоя́ла, она́ нас ико́ной благослови́ла. Замерекни́, шó тебе́ во снэ́ присни́ца, шó тебе́ зьдэ́йеца. Я́ замерекну́ла: Ми́ша Йеру́шник присни́уся.

Для того, чтобы увидеть во сне суженого, принято было замыкать ручей, прорубь или колодец: класть замок, замыкать его, а ключ забирать с собой и класть под подушку, чтобы будущий жених пришел за ключом:

Мы́ бы́ли ф Курмы́шэ, йéй захотéлось гада́ть. Мы́ пошли́ рúцей замыка́ть, йéй, дэ́ва, и присни́лосе. Рúцей замыка́ли: йéсьли йéзь богосужэ́ной, пúсь за ключéм приде́т. Завецéлись и колоде́ц замыка́ли, ска́жэши: йéсьли йéсь како́й богосужэ́ной, приди́, ключóць проси́, ключóць полóжыши пот поду́шку. Ходи́ли дэ́фки – про́лупь просéчену замыка́ли. Замо́к кладу́т, а ключóць беру́т домо́й и приговáривают: Сужэ́ный мо́й, приходи́ за ключéм.

Кроме того, отмечен обычай ходить за **девятой вéхой** – веточкой, отломанной от девятого по счету дерева. Такую веточку клали под подушку, чтобы приснился суженый: *А вод девyту вéху ходи́ла рвалá. До пол-Двини́ ходи́ли ве́дь за девyтой вехóй. Девyта вехá, покажы́ жэ́нихá, не жэ́нихá – так сéмью, а не сéмью, даг дере́вню, а не дере́вню, дак во́лос.*

Вывод

Итак, анализ общерусского слова *сон* в архангельских говорах показывает, что значения слова не отличаются от представленных в литературном языке. Тем не менее его семантика всё же отличается от литературной. Сочетаемость слова сон и его дериваты указывают на многообразие представлений, связанных со сном, в народной культуре. Л. О. Чернейко в монографии «Лингво-философский анализ абстрактного имени» писала о том, что не ассоциации возникают на основе сочетаемости, а несвободная сочетаемость слова обусловлена его ассоциативным потенциалом: «Через сочетаемость осуществляется символизация умопостигаемой сущности, стоящей за абстрактным именем» (Чернейко, 1997, с. 288). Таким образом, сон предстает и как персонифицированная сущность, и как некое пространство, в которое навсегда уходят умершие, где черпают силы и здоровье дети и взрослые. В сон погружается сердце или душа человека, сон может мыслиться как данный богом, сон могут отобрать или вернуть враждебные человеку силы. Без понимания того, какое культурное содержание стоит за лексемой, исследователь не сможет понять поведение слова в языковой системе и верно описать его сочетаемость и существующие устойчивые выражения.

Литература:

- АГАПКИНА, Т. А. (2006): Сюжетика восточнославянских заговоров в сопоставительном аспекте. 1. Заговоры от детской бессонницы и криков. 2. Заговоры от кровотечения и раны. In: С.М. Толстая (ed.): *Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста*, 10. Москва: Индрик, с. 7–124.
- ГЕЦОВА, О. Г. – НЕФЕДОВА, Е. А., eds. (1980): *АОС – АРХАНГЕЛЬСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СЛОВАРЬ*, вып. 1. Москва: Издательство Московского университета.

- ГЕЦОВА, О. Г. (1970): *Проект Архангельского областного словаря*. Москва: Издательство МГУ.
- ГУРА, А. В. (2012а): Сон. In: *Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 томах. Т. 5*. Москва: «Международные отношения», с. 119–122а.
- ГУРА, А. В. (2012б): Сновидение. In: *Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 томах. Т. 5*. Москва: «Международные отношения», с. 90–91б.
- ЗАГОРОВСКАЯ, О. В. (1990): *Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии*. Москва: ИРЯ.
- КУЗНЕЦОВ, С. А., ed. (1998): *БТС – БОЛЬШОЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА*. Санкт-Петербург: Норинт. [Цит. 2024-08-04] Доступно на интернете: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovij-slovar>
- ЛОТМАН, Ю. М. (2000): *Семиосфера. Культура и взрыв. Среди мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968-1992)*. Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ».
- ТОЛСТАЯ, С. М. (2001): Иномирное пространство сна. In: *Сны и видения в народной культуре. Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, с. 198–220.
- ТОЛСТОЙ, Н. И. (1993): Славянские народные толкования снов и их мифологическая основа. In: И.Е. Данилова (ed.): *Сон – семиотическое окно. Сновидение и событие. Сновидение и искусство. Сновидение и текст. XXVI-е Випперовские чтения (Москва, 1993)*. Москва: Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, с. 89–95.
- ЧЕРНЕЙКО, Л. О. (1997): *Лингво-философский анализ абстрактного имени*. Москва: Издательство МГУ.

Картотеки:

- ЭКАОС – ЭЛЕКТРОННАЯ КАРТОТЕКА «АРХАНГЕЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО СЛОВАРЯ», МГУ имени М. В. Ломоносова, Филологический факультет, кабинет диалектологии.
- КАОС – КАРТОТЕКА «АРХАНГЕЛЬСКОГО ОБЛАСТНОГО СЛОВАРЯ», МГУ имени М. В. Ломоносова, Филологический факультет, кабинет диалектологии.

Summary

The all-Russian word SON ‘sleep, dream’ in Arkhangelsk dialects

The article is devoted to the analysis of the all-Russian word *сон* ‘sleep, dream’ in Arkhangelsk dialects. The meanings of the word do not differ from those presented in the literary language. Nevertheless, its semantics still differs from literary ones. The compatibility of the word dream and its derivatives indicate the diversity of ideas associated with sleep in folk culture. Sleep in Arkhangelsk dialects is associated with the space of death, with newborn children, with fortune telling and predictions of the future. The dream appears both as a personified entity and as a kind of space into which the dead go forever, where children and adults draw strength and health. The heart or soul of a person plunges into sleep, sleep can be thought of as given by God, sleep can be taken away or returned by forces hostile to man. The diverse combinability of the lexeme *сон* ‘sleep, dream’ speaks of the importance of this cultural concept.